

СУМАСШЕСТВИЕ

Повесть

Посвящается памяти невинных жертв, единственной виной которых была их национальность.

1. ...Западные телеграфные агентства сообщили о демонстрациях в Ереване. Демонстранты требовали присоединения к Армении части территории соседнего Азербайджана, Нагорно-Карабахской автономной области...

...По Карабаху прошли собрания с требованием созвать внеочередную сессию областного совета. 20 февраля сессия подавляющим большинством голосов приняла решение ходатайствовать перед Верховными Советами обеих республик о передаче НКАО в состав Армении...

...В области вспыхнули межэтнические распри. Особенно острые столкновения произошли на юге...

...Из Армении в Азербайджан устремился поток беженцев, напуганных размахом волнений.

Из газет. Февраль 1988 года.

Ильяс Гиясович Исмаилов, грузный мужчина с коротко остриженными седыми волосами и морщинистым лицом, сидел в комнате, не зажигая света, и думал горькую думу. В январе ему исполнилось шестьдесят пять, и начальник стройуправления поздравил прораба со знаменательным событием. Под аплодисменты сотрудников вручил адрес, медаль ветерана и самовар, поблескивающий никелированными боками.

– Будешь на веранде сидеть, душистый чай пить и мемуары сочинять! – пробовал подбодрить его Хачик Багдасарян. – А я к тебе в гости ходить буду!

– О чём ты говоришь, Хачик-джан! Когда ты у меня последний раз в гостях был? Нет, дорогой, это очень грустное событие... Я понимаю, что молодым нужно давать дорогу... но не чувствую себя стариком! Мог бы и поработать...

Ильяс Гиясович понимал: от него вежливо избавились. И ничего не поделаешь. Прораб – собачья должность, и он уже достаточно потрудился, чтобы иметь законное право на отдых. Да и вообще, если разобраться, работа прораба не для его

возраста. И всё-таки какая-то горькая обида наполняла сердце. Жизнь промелькнула, пронеслась. Оглянуться не успел...

Почему-то вспомнилось, как с мальчишками бегал к реке на краю села ловить рыбу. Их селение с турецким названием Рандамал раскинулось у подножия горной гряды. Вдали виднелась снежная вершина Али-бека, откуда брала начало речка Зангу. Весной, когда таяли снега, она становилась полноводной и мутной. Жёлтая вода, грохоча, несла в ледяных бурных потоках коряги, сломанные и вырванные с корнями деревья, перекатывала огромные валуны. Летом вода становилась чище, и у берега можно было заметить, как плыли против течения стайки мальков форели.

Ильяс Гиясович включил торшер и открыл томик Паруйра Севака «Неумолкаемая колокольня»:

*...Идёт весна. Расплакались снега,
Чтобы, ручьями моя берега,
От страсти помутнев, лететь, спешить
В объятия друг друга заключить.
И птицы, что слетались по весне,
Попарно закружились в вышине...*

Ильясу Гиясовичу был родным этот благословенный край, где

*...Алеет маков пламенный костер,
И незабудки синевой горят,
Стоит тутовник вдоль дороги в ряд...*

Воспоминания плелись и плелись, цепляясь друг за друга, оживая то яркими вспышками, то высвечиваясь едва заметными силуэтами в дымке времени. Здесь он окончил школу перед самой войной, поступил в Ереванский строительный институт. Но вскоре его призвали в армию.

После шестимесячной подготовки на ускоренных курсах младший лейтенант Исмаилов командовал взводом в составе Западного фронта, участвовал в контрнаступлении под Москвой. В районе Малоярославца получил первое ранение и орден Красной Звезды. Пока его мотало по госпиталям, положение на фронтах изменилось. Командир роты старший лейтенант Исмаилов в составе Донского фронта в 21-й армии под Сталинградом врывался в землю, отражал танковые атаки. В холодные декабрьские дни у реки Чир был ранен второй раз. И снова госпиталь, и ожидание, что вот-вот всё изменится на этой ужасной войне. А летом 1943 года – тяжёлые бои за Оршу и Витебск... потом

пробивались с боями из окружения... Белорусские леса и партизанский отряд...

Ильяс Гиясович поехал. «Стало прохладно, и Лейла где-то задерживается», – подумалось ему, и он поглубже уселся в кресле. Воспоминания, словно лучом фонарика, вновь высветили давно минувшие события.

В особом отделе их проверяли недолго. Командир партизанского отряда знал, что недалеко в лесах с боями прорываются наши части. Он даже послал две группы навстречу выходящим из окружения. Одна и наткнулась на остатки батальона капитана Исмаилова. Два бойца держали за поводок лошадей, тянувших лёгкую пушку, каким-то чудом сохранившуюся в боях. Люди и животные едва передвигали ноги от усталости и истощения, то и дело спотыкаясь и падая на землю.

Партизаны были связаны с Большой землей, и вскоре за то, что капитан Исмаилов вывел из окружения и смог сохранить боеспособность батальона, по радио передали приказ о его награждении вторым орденом Красной Звезды.

Будни партизан существенно отличались от жизни в регулярной армии. Но не прошло и недели, как они освоились в отряде, ходили со старожилками на задания, пускали под откос железнодорожные составы, громили мелкие гарнизоны фашистов – словом, делали всё, что и положено делать партизанам.

В середине октября в отряд пришла большая группа истощённых до предела, одетых в полосатые робы людей. В тот день было особенно холодно. Ударили первые морозы, и добравшиеся до отряда никак не могли отогреться, хотя и разместили их в землянках и дали по кружке кипятка. По отряду быстро разнесся слух, что это – бежавшие из концлагеря «Собибор». Возглавил восстание смертников Александр Печерский... Сашко...

Был он родом из Ростова. На фронте с первых дней войны. Так же окончил ускоренные курсы и стал командиром взвода. Воевал на Юго-Западном фронте. Попал в плен...

Александр никогда не выставлял себя героем. Любил шутить, умел поднять людям настроение. У него необычное и редкое выражение лица: казалось, он всегда улыбается. Удивительной храбрости человек. С ним и подружился Ильяс Гиясович. Жили они в одной землянке и недолгими вечерами на отдыхе говорили о прошлой, довоенной жизни. Один рассказывал о красоте древнего Еревана,

другой – о прелести Ростова. Делились планами и надеждами... Когда партизанский отряд соединился с действующей армией, их дороги разошлись. Друзья обменялись адресами.

Печерский, как человек, побывавший в плену, должен был смыть «вину» перед Родиной кровью. Его зачислили в штрафную роту. Но и тут судьба уберегла Сашко. Он был ранен в ногу и оказался в подмосковном госпитале. Здесь и встретил медсестричку Олечку, ставшую в последствии его женой.

После войны Печерский долгое время не мог найти работу. Пятый пункт анкеты – национальность – кому-то явно не нравился. Быть евреем в нашей стране очень непросто.

Никогда не унывающий Сашко научился делать ковры и очень гордился этим, относясь к ним, как к произведениям искусства.

Печерский с улыбкой рассказывал о злключениях, а Исмаилов хвалил его, цокал на восточный манер языком в знак одобрения, а у самого сердце кровью обливалось. Что же наша страна делает со своими людьми?.. За что она так с ними?..

Всё было непросто и в послевоенной жизни самого Исмаилова. Он восстановился в институте и поселился в тесной комнатухе студенческого общежития. Отец погиб в Крыму. Вскоре, истерзанная горем, умерла мать. Младшая сестренка Фатима некоторое время жила в отчем доме, но со временем уехала в Сумгаит. Армен Григорян, её муж, был родом из тех мест и работал там водителем.

Опустел дом в Рандамале, и Ильяс Гиясович продал его по случаю, а деньги переслал сестре, ведь уехала она в чужие края без всякого приданого.

В институте Ильяс познакомился с бакинкой Лейлой. Она напоминала ему мать. Её родители перед войной погибли при аварии на буровой, и девочка воспитывалась у бабушки. В кирпичном домике в пригороде Баку и прошло её детство. После войны окончила школу и поехала с подругой поступать в строительный. У той в Ереване жил дядя, большой начальник на железной дороге. Но так случилось, что подружка не прошла по конкурсу, и Лейла перебралась в общежитие.

Вскоре она познакомилась с Ильясом – красивым юношей с орденами и медалями на груди. Вместе готовились к семинарам, чертили курсовые. У Лейлы всегда были хорошие конспекты...

Студенческая дружба переросла в любовь, и они решили пожениться. Лейла написала бабушке об этом, и та приехала в Ереван благословить внучку. В апреле 1948 года пошли в загс. Небогатая это была свадьба. Ильяс приготовил плов, Лейла пожарила картошку, украсила стол первой зеленью с рынка... Патефон голосами Бунчикова и Нечаева хрипел куплеты, а приятный голос Бейбутова заставил бабушку Лейлы смириться с происходящим...

Поздно вечером молодожены проводили бабушку на вокзал и вернулись в комнату, которую Арсен, сосед Ильяса по общежитию, на эту ночь предоставил в их распоряжение, а сам пошёл к дальним родственникам.

Ильяс Гиясович встал и прошёлся по комнате. За окном стемнело. Февраль был необычно холодным, и он пожалел, что не заклеил окна. «Где же Лейла? Наверное, засиделась у Ахмеда. Наступили беспокойные времена...»

Набросив на плечи меховую безрукавку, Ильяс Гиясович позвонил сыну. Трубку подняла невестка.

– Слушаю!

– Здравствуй, дочка. Мама у вас?

– Недавно ушла. Ахмед хотел её проводить, но она отказалась.

– У вас всё в порядке?

– Всё нормально... работа выматывает. В диспансере новое начальство. У Ахмеда всё по-старому, только вызовов стало больше. Так всегда зимой. Гасан занимается. В этом году – поступать в институт. Понимает...

– Он ещё не решил, куда пойдет?

– Нет, папа, всё никак не может определиться...

– Ну, хорошо. Передавай привет Ахмеду и Гасану. Как появится возможность, заходите, а то я вас, кажется, уже целую вечность не видел ...

Когда Ильяс Гиясович положил трубку, почему-то вспомнилось, как в пятидесятом в Баку умерла бабушка Лейлы. На похороны ездили с беременной Лейлой. То ли она тяжело переживала смерть бабушки, то ли плохо перенесла дорогу, но когда вернулись, её срочно отвезли в больницу и... сделали операцию. Слава Аллаху, и мать и сын были здоровы. Правда, Лейла больше не могла иметь

детей. Мальчик часто болел, и она вынуждена была бросить институт. В те годы Ильяс много работал, вёл сразу несколько объектов, приходил домой поздно, издерганный, усталый. Бывало, после работы повозится чуть с сыном и заснёт, не дождавшись, когда жена пригласит к столу.

На работе было всякое: и успехи, когда все поздравляли друг друга с пуском очередного объекта, и неприятности. Однажды чуть было не попал в тюрьму. На его участке рабочего придавило бетонной плитой. Парень хотел сократить путь и шёл напрямик под стрелой крана...

Его много раз вызывали к следователю, допрашивали... От тюрьмы ветерана войны спасло только то, что все документы оказались в полном порядке: и инструктаж по технике безопасности проводился, и спецодежду выдали... Сколько он тогда пережил, помнит только его Лейла.

В шестьдесят седьмом Ахмед окончил школу, но поступать в Ереване не рискнул. Уж слишком часто говорили об огромных взятках, которые нужно было давать, чтобы стать студентом. И тогда Ильяс Гиясович написал боевому другу. Тот отозвался сразу:

– Пусть приезжает. Чем смогу, помогу.

Так Ахмед оказался в Ростовском медицинском институте. Там он встретил и полюбил Эмилию Джафарову – девушку из Азербайджана. Её мать умерла и отец, партийный функционер, женился на дочери секретаря райкома. Мачеха Эмилии была ненамного старше падчерицы. Очень скоро она сама стала матерью и старалась не замечать Эмилию, не скрывала радости, когда та, наконец, собралась в другой город учиться. С отцом Эмилия ладила плохо. Человек властный и деспотичный, он мог грубо накричать, при посторонних читал нравоучения. Эмилия с облегчением уезжала в Ростов.

Ахмед привёз невесту в Ереван. Здесь в рабочей столовой и сыграли свадьбу. Пригласили и родителей Эмилии, но приехал только отец. Он был недоволен дочерью, её чрезмерной самостоятельностью, но, узнав семью жениха, смирился и пообещал помочь молодым с жильём, когда они окончат учебу и решат, где будут жить.

По окончании учебы молодые уехали в Армению. Они работали в небольшом городке – Раздане. Через пару лет

переехали в Ереван. Старый Джафаров сдержал слово и дал деньги на кооперативную квартиру. К тому времени у них уже рос сын.

В восьмидесятом внезапно умер отец Эмилии. Оборвалась последняя ниточка, которая связывала её с детством. На дворе был сентябрь, улицы пестрели от множества цветов, и ей подумалось, что вот уже и в Баку нет никого, к кому бы захотелось приехать, повидаться... А через месяц Эмилию направили на курсы усовершенствования в Ростов...

Ильяс Гиясович прошёлся по комнате, подумал: «Куда же запропастилась Лейла? На дворе ночь, а её всё нет. Не случилось ли чего?» Потом, по неясным. Но властным ассоциативным законам памяти, вдруг подумалось: «Непонятые настали времена. Люди стали злыми, резкими. Так недалеко и до беды. Куда подевалась хвалёная дружба народов? Или нужна такая беда, какую довелось пережить в войну, чтобы люди снова сплотились...»

Раздался звонок, и Ильяс Гиясович пошёл встречать жену.

– Что так долго? Я уже стал волноваться, – сказал он, помогая снять пальто.

– Ой, дорогой, ты не знаешь, что в городе творится! Ахмед рассказывал, что ему в поликлинике прямо в лицо один врач сказал: «Убирайся в свой Азербайджан!».

– Сколько раз я слышал такое!

– Нет, Ильяс! Самое интересное в том, что все его поддержали.

– Да... – задумчиво произнес Ильяс Гиясович, – что-то зреет... Если начнется заваруха... Вот тебе и «перестройка»...

– Что «перестройка»? Ты послушай радио: Карабах... Карабах... Как будто мы во всём виноваты!

– Тревожно стало здесь... Ну, ладно... Как там внук? Мальчику, наверное, ещё труднее. Горячие молодые головы, максималисты...

– Надеюсь, Аллах не оставит нашего внука, и он благополучно окончит школу. Ты ужинал?

– Ждал тебя. Да и есть не хочется. Выпью, пожалуй, чай...

Лейла пошла на кухню, в которой едва вмещался стол и две табуретки, и стала колдовать над ужином. Они привыкли к миниатюрным габаритам квартиры и не собирались её менять. Сколько им осталось? Жизнь прошла...

В старой пятиэтажке недавно был капитальный ремонт, и теперь Исмаиловы считали себя счастливейшими из людей: из кранов лилась холодная и горячая вода, не засорялась канализация...

Утром позвонила Эмилия и взволнованно рассказала, что избитого Гасана привели какие-то люди домой. Портфель выпотрошен, тетради и книги в грязи. Ничего толком они понять не могут. Ахмед пошел к знакомому невропатологу. Он боится, нет ли сотрясения мозга...

Ильяс Гиясович и Лейла засобирались к сыну. Надо было проведать внука, успокоить Эмилию.

Сын жил почти в центре, на проспекте Мира. Автобуса долго не было, и они уже решили идти пешком, как вдруг к ним обратился мужчина на армянском языке.

– Напрасно ждете автобуса. Все сегодня бастуют...

– Бастуют? Против чего?

– Не против чего, а за присоединение Карабаха к Армении. Разве вы ничего не знаете?

– Нет.

– Сегодня в десять будет демонстрация...

Мужчина поковылял вниз по улице, а Исмаиловы пошли к проспекту Мира. По дороге то и дело встречались возбужденные люди. Некоторые несли самодельные плакаты, общий смысл их был один: «Вернуть Карабах Армении!» Встречались и такие: «Азербайджанцы, убирайтесь в свой Азербайджан!»

Проходя мимо почтамта, увидели, как собираются люди в колонну. Какой-то седой мужчина кричал в мегафон: «Предупреждаю, это мирная демонстрация! Не поддавайтесь на провокации!»

Дома у Ахмеда царила растерянность.

– Что делать? У Гасана сотрясение мозга. Он боится идти в школу. Хулиганы обещали, что если он не уйдет из школы, с ним расправятся. Кому жаловаться? Эмилия позвонила в милицию, а там даже не спросили, где это произошло, сказали: «Разберемся», и положили трубку.

Ахмед был удручен и бледен, не знал, куда идти, что делать, кому жаловаться. Холодящий страх сковал сердце.

– Я не верю, чтобы центральные власти допустили националистические выступления, – успокаивал детей Ильяс Гиясович.

– Жди, жди защиты... – обычная сдержанность изменила Лейле.
– Ты разве не видел толпу возле почты?

Проснулся Гасан и посмотрел на родителей.

– Зачем вы напрасно тревожите дедушку и бабушку? Ничего особенного не произошло. Обычная шпана...

– Как это случилось? – прервал его Ильяс Гиясович.

– Я шёл в школу. Ко мне пристали двое. Потом к ним присоединились ещё несколько. Кричали, чтобы я убирался в Азербайджан...

– И никого рядом не было? – спросила Лейла.

– Почему же... Мои друзья – Гагик с Акопом подбежали. Но нас всё равно было меньше...

– О, Аллах, да что же это делается! Среди бела дня ребёнка избили. А если бы покалечили?

– А я думаю, может быть действительно переехать в Баку? – проговорил Гасан. – Надоело чувствовать свою неполноценность...

– О чём ты говоришь! А жить где? А работать где? И кто тебя там ждёт? – Ахмед был совершенно деморализован.

– А что хорошего нам ожидать? – неожиданно поддержала сына Эмилия. – Ты же слышал, что произошло в Степанакерте? Совсем озверели люди.

Эмилии мучительно искала выход и почему-то вспомнила Сергея Кирилловича Марченко, с которым познакомилась, когда была на курсах усовершенствования, а потом и защитила диссертацию под его руководством.

– А может, переехать не в Баку, а в Россию, скажем, в Ростов? – словно угадывая ход мыслей невестки, спросил Ильяс Гиясович.

– В Ростове я могу узнать обстановку... – задумчиво произнесла Эмилия. Она отыскала в записной книжке телефон Сергея Кирилловича и, набрав номер, на удивление быстро дозвонилась.

– Сергей Кириллович? Здравствуйте. Это Исмаилова из Еревана. Помните ещё меня? Спасибо. Сергей Кириллович, звоню вам по серьёзному поводу... Нам нужно срочно выезжать из Армении... Нет, не на время. Навсегда. Сможете ли вы помочь нам найти хоть какую-то работу и жильё в Ростове?

Потом Эмилия долго слушала. Видимо, Марченко о чём-то подробно рассказывал. Все напряженно ожидали результатов разговора. Наконец Эмилия сказала:

– Хорошо. Мой телефон у вас есть. Я с нетерпением жду звонка. – И положила трубку.

– Ну, что? – спросил жену Ахмед.

– Ситуация довольно интересная. Некоторое время назад к нему с таким же вопросом обратился его приятель-армянин, врач онкологического диспансера. Марченко обещал ему помочь. Он предложил, чтобы мы переехали в Баку в его квартиру. Обещал переговорить с приятелем и потом перезвонить нам.

– Ай, Аллах, и там люди страдают... В Баку азербайджанцы заставляют армян все бросать и ехать куда глаза глядят? – воскликнула Лейла.

Эмилия закрыла лицо руками. Она бы расплакалась, но делать этого при стариках и сыне нельзя. Проговорила горько:

– Это сумасшествие какое-то. Там, в Баку, армяне в таком же положении, что и мы здесь. Марченко говорит, что с тем врачом они давно знакомы и дружны.

– Когда же он обещал перезвонить? – с нетерпением переспросила свекровь.

– Сказал, как только дозвонится до Баку.

– Но как всё бросить? Нам всё это так тяжело досталось. Да и кому быстро продать квартиры, мебель... – Ильяс Гиясович говорил, а сам уже что-то прикидывал в уме.

Звонок из Ростова раздался лишь через два часа. Марченко рассказал, что договорился с приятелем. Тот оставит ключи от квартиры у соседей. Если семья Эмилии сможет со временем хоть немного заплатить, это будет им совсем нелишне, ведь они ещё не знают, как будут выбираться из Баку и что их ждет.

Эмилия записала бакинский адрес и, поблагодарив Сергея Кирилловича за помощь, обещала по возможности позвонить.

– Ну, что? – спросила Лейла невестку. – Что говорит твой русский друг?

– Мы сможем остановиться в квартире той армянской семьи из Баку. Все необходимые документы на переоформление на нас квартиры тот врач нам пришлёт.

– Театр абсурда, – подал свой голос Гасан. – А как же школа? Ещё полгода учебы...

– Ты уже достаточно взрослый, – заметил Ахмед, – должен понимать, что сегодня решается вопрос жизни и смерти. Я не хотел говорить, но теперь скажу, – продолжал он, обращаясь к родителям. –

Пару дней назад, кажется, тринадцатого, после приёма зашёл ко мне в кабинет заведующий и сказал: «Ахмед, вы знаете, я не националист, но советую вам и вашей семье как можно быстрее уехать из города». Мы с ним в приятельских отношениях, и мне стало страшно. Решено, надо уезжать. Возьмём самое необходимое. Завтра я попытаюсь забрать трудовую книжку.

– Может, предложить квартиру и мебель соседям? Тетё Ануш, к примеру... – вновь подал голос Гасан. Он хотел, было, встать с постели, но мать его удержала.

– Ты лежи! Без тебя справимся, – потом, обращаясь к мужу: – Ахмед, у тебя был приятель на железной дороге. Узнай, возможно ли достать билеты в Баку?

Эмилия была спокойна и деятельна.

Ильяс Гиясович и Лейла засобирались домой, договорились созвониться.

На следующий день Лейла упаковала вещи. Получилось три больших тюка и четыре чемодана. Ильяс Гиясович продал по бросовой цене квартиру и мебель соседу, отцу многодетной семьи, который проживал этажом выше, и договорился, что тот на своём автобусе отвезёт Исмаиловых на вокзал. Семья сына к вечеру тоже была готова к отъезду.

Нужно отдать должное армянам, с которыми последние дни общались Исмаиловы: те отговаривали их от скоропалительного решения, сочувствовали людям, которые вынуждены были бросать всё и уезжать из города. В поликлинике Ахмед без проволочек получил документы. Запись в трудовой книжке гласила: «Уволен по статье 31 КЗОТ по собственному желанию». У Эмилии тоже не было осложнений. Главный врач пригласил её, переспросил, всё ли она до конца продумала, не торопится ли. Потом подписал трудовую книжку, заметив:

– Наверное, вы правы! Здесь с каждым днем становится всё горячее. Идиотизм какой-то...

К десяти вечера подъехал автобус. Ахмед и Гасан вынесли чемоданы, Эмилия заперла квартиру.

Соседка, старая учительница Ануш Амбарцумовна, для которой семья молодых Исмаиловых была как родная, молча вышла их проводить. Дочь расстрелянного «врага народа» с грустью наблюдала, как рушится ещё одна иллюзия о всеобщем братстве. Сколько уже

таких порушенных судеб, искорежённых жизнью перевидала она на своем веку...

Ануш Амбарцумовна не осмелилась сказать слов утешения людям, бегущим из родного города, ставшего им в одночасье чужим. Просто молча стояла на февральском морозе и смотрела вслед уходящему автобусу, пока не исчезли в ночи его красные огоньки.

2. ... У них были лозунги: «Хотим крови армян», «Смерть армянам»... Останавливали машины... Армян вытаскивали из автобусов и убивали... людей с балкона бросали... девочку за волосы вытащили на балкон и сбросили с пятого этажа... Трупы хоронили по всему Апшерону...
Свидетельство Юрия Исихяна.

... Я живу в Сумгаите... Немец таких вещей не делал. Своими глазами видела, как... девушку бросили в огонь... Целыми семьями вырезали... всех... Простите меня, не могу. (Плачет).
Свидетельство Рузанны Авакян.

В это время в Баку происходили такие же события, зеркальность и абсурдность которых подчеркивали всю бесперспективность попыток найти какой-то выход или объяснение. Чья-то неумолимая злая воля катила беспощадное колесо истории по судьбам многих и многих людей, калеча и круша их на своем пути.

Арсен Григорьевич Миронян, мужчина лет пятидесяти, торопился с работы домой. Вот уже несколько месяцев в онкологическом диспансере, где он работал, творилось что-то непонятное. Без видимых причин, невнятно пробормотав о необходимости готовить молодые кадры, ему предложили передать хирургическое отделение Салману Сафарову. Арсен Григорьевич ничего не имел против талантливого хирурга. Ещё совсем недавно сам его выделял среди молодых, давал оперировать наиболее сложные случаи, нередко брал ассистировать, когда оперировал сам.

Салман зарекомендовал себя добросовестным исполнителем и вдумчивым врачом. Его уважали коллеги, любили больные. Он был несколько сдержан в проявлении чувств, к персоналу, как правило, всегда обращался по имени и отчеству, и только на «вы». Многие считали его высокомерным, не компанейским.

Зато к больным относился очень хорошо. После операции подолгу возился у постели пациента, сам налаживал капельницу, подбирал лекарства.

Зная, что Салман холост, его пытались соблазнить самые жгучие красавицы диспансера, но – напрасно, и те скоро оставили попытки. Со старшими держался с достоинством, но не подхалимничал. С подчинёнными вёл себя уважительно и спокойно. Отдавал распоряжения тихим голосом, тоном, не допускающим возражений.

Все считали, что у Сафарова есть «рука» где-то очень высоко. Он это не подтверждал, но и не опровергал.

Арсен Григорьевич понимал, что в их жизнь вихрем ворвалась большая политика, заработали скрытые механизмы чьих-то властолюбивых амбиций. Понимая, что его могли снять с работы ещё более бесцеремонно, но, видимо, учли многолетний труд, авторитет, наконец, незлобивый покладистый характер, спорить не стал. Собственно, что значит сдать дела? Какие дела? Все больные расписаны по врачам, за материальные ценности ответственные сестра-хозяйка и старшая сестра. Всё прошло спокойно. На общей планерке главный врач зачитал приказ, поблагодарил опытного онколога за работу и перешёл к другим вопросам. Никто из коллег не удивился, не выразил сожаления, и это особенно огорчало.

Сафаров был смущен, отводил взгляд от учителя, всякий раз подчеркивал, что благодарен Мироняну. Он даже предложил поставить стол Арсена Григорьевича в кабинете заведующего, но тот отказался, и ему отвели место у окна в ординаторской.

Дело осложнялось тем, что Салман писал кандидатскую под руководством Арсена Григорьевича. Но главный дал понять, что тема диссертации будет изменена «в соответствии с требованием времени», и руководить исследованием будут учёные из республиканского онкологического института.

Всё это было шито белыми нитками. В другое бы время Арсен Григорьевич возмутился, потребовал объяснений, доказал актуальность исследования Сафарова. Но, видя, что тот безропотно согласился со всеми переменами, спорить не стал.

Главный врач внимательно отнесся к молодому заведующему, был к нему благосклонен. Досужие языки высказали предположение: забрасывает сеть. У главного – дочь на выданье.

Сада с трудом окончила медицинский институт. Диплом стоил её отцу едва ли не целого стада баранов. Но работать девушка не спешила. Больше мечтала о выгодном замужестве.

Придя домой, Арсен Григорьевич пытался проанализировать происходящее. «Вдруг такой всплеск ненависти! Где же дружба народов?! Полный крах национальной политики!»

Арсен Григорьевич бесцельно бродил по пустой квартире. Жена и дочь ещё не пришли с работы, и он мог размышлять на эти темы, чего никогда не делал в их присутствии. Он понимал, что есть и азербайджанцы, и армяне, которые не поддались этому массовому психозу. Но что они могли?!

Когда пришла жена, он рассказал ей о переменах в его должностных обязанностях, на что Зарина Вартановна поведала, что вот уже около месяца ходит в свой институт и... ничего не делает. Её фактически отстранили от дел. Она, доцент, старший научный сотрудник, в последнее время была лишена возможности работать. Сотрудников перевели в другие отделы, подключили к другим темам. Прекратились все эксперименты, – нет реактивов. Пробовала разговаривать с шефом, но тот под всяким предлогом от обсуждения дел уклонялся, и Зарина Вартановна поняла, что ничего утешительного для себя не услышит. А на заседании отдела эта вульгарная Солмаз, ассистентка шефа – профессора Асланова, нарочито громко рассуждала о «сепаратистах Карабаха», при этом, пристально смотрела на Зарину Вартановну, стараясь уловить её реакцию. Но та сдерживалась и не доставляла удовольствия хищнице.

После того как ушёл старый руководитель лаборатории, член-корреспондент республиканской академии наук профессор Мартиросян, у них многое переменялось.

Зарина Вартановна приходила на работу и... ничего не делала. Никакая самая тяжелая работа не выматывала её так, как вынужденное безделье. Дома она не хотела расстраивать мужа и потому молчала.

С каждым днём обстановка в Баку накалялась всё больше и больше. По радио, в местных газетах публиковались пространственные статьи, в которых осуждалась «фактическая аннексия Нагорного Карабаха», рассказывалось о многочисленных митингах и даже забастовках. Говорилось о притеснении азербайджанцев в Армении, о

тысячах беженцев, о событиях в Степанакерте. И вот сегодня это безумие затронуло и их семью.

В доме Миронянов понимали, что ситуация накаляется, но щадили друг друга и старались не говорить, насколько тяжело стало жить каждому из них в родном городе.

Сначала возникли слухи о Сумгаите. Беженцы искали спасения в столице. У них ещё теплилась вера в справедливость советской власти, в то, что виновные будут наказаны. Люди бросали свои дома, искали спасения у партийных руководителей, в милиции, но те под любым предлогом отмахивались от несчастных, как от надоедливых мух. А ведь были погромы, когда убивали стариков, женщин и детей. Заточенными кусками арматуры избивали несчастных, насиловали, а потом в бессознательном состоянии обливали бензином и поджигали.

Начались безобразия и в Баку. Слухи, один страшнее другого, передавали из уст в уста. Рассказывали, что какие-то хулиганы подожгли дом, в котором жила многодетная армянская семья, а когда обезумевшие от страха люди выскакивали во двор, разгулявшиеся молодчики из шланга обливали их холодной водой, и это в октябре. Потом убили несчастных... А где-то толпа разгромила обувной магазин. Разбив витрину, вытаскивали коробки с товаром, громили всё, что попадалось под руки. От пожара спасло только то, что магазин располагался на первом этаже трехэтажного дома. Жильцы пытались вызвать милицию, но она почему-то не торопилась и приехала через час, когда всё было кончено. Слава Богу, что обошлось без жертв.

У железнодорожного вокзала какие-то люди перевернули сапожную мастерскую дядюшки Ованеса, своеобразную местную достопримечательность.

Сколько он себя помнил, с утра до вечера сидел в своей будке и ремонтировал обувь: прибивал набойки, менял подошвы и каблуки, продавал шнурки и сапожный крем. Ещё мальчишкой, а ему недавно стукнуло семьдесят, бегал он сюда к отцу. Потом прогремела война. На войне Ованес был в пехоте. Но воевать пришлось недолго. В первом же бою его ранило, и он почти два года валялся в госпиталях. Начальство оставило его при госпитале, узнав, что Ованес Хасперович сапожник. Он ремонтировал обувь раненых бойцов и так дождался победы. Когда же вернулся в Баку, то первым делом пришёл в их мастерскую. Отец к тому времени умер, так и не

дождавшись сына. Будка сиротливо стояла на краю привокзальной площади без стекол в единственном окне.

Ованес Хасперович отремонтировал и покрасил будку в зеленый цвет, сам написал на листе фанеры краской: «Ремонт обуви», принёс инструмент и сел в ожидании клиентов.

Так он и сидел ежедневно, без перерывов на обед и выходных, стуча молотком или прошивая подошву дратвой.

Шли годы. Многое изменилось на привокзальной площади. Несколько раз собирались перенести на другое место будку инвалида, по всё что-то мешало. И вот теперь хмельная толпа, увидев армянина-сапожника, склонившегося над столом, загоготала и стала её раскачивать. Вышел дядюшка Ованес и пытался успокоить хулиганов. Но это только подлило масла в огонь. Его толкнули, он упал, и в это время будка накренилась и рухнула, придавив старого сапожника. Удар пришелся как раз по раненой голове. Он даже не успел вскрикнуть. А молодчики, увидев, что сделали всё, что хотели, пошли дальше искать объекты для своих «подвигов».

Зарина Вартановна очень волновалась за детей. Ашот с женой и пятилетней внучкой жили на другом конце города. Сын работал инженером на нефтеперерабатывающем заводе. Лиля с Милочкой были дома.

Из разговоров с соседями Лиля знала, что нарастает неприятие армян. Их считали виновниками всех бед, вероломными и коварными сепаратистами. Политизация людей достигла такого накала, что на эти темы разговаривали на автобусных остановках, в очередях, в детской поликлинике. Русская по национальности, Лиля слушала эти рассуждения и удивлялась, как быстро всё изменилось. А когда случайно стала свидетельницей хулиганской выходки подростков, которые, нацепив зелёные ленты, с руганью и пинками выгнали пожилого армянина из автобуса, и никто из пассажиров даже не возмутился, ей стало страшно. Такого от бакинцев, славящихся своим интернационализмом, она не ожидала... Впрочем, коренные жители до подобных дикостей не опускались. В основном это были «азеры», беженцы из Армении.

На заводе Ашота ценили, но он вынужден был взять отпуск: ходить по улицам города стало небезопасно.

Второй сын – Гриша жил со своей семьёй недалеко от родителей.

Он работал в авторемонтных мастерских, был хорошим мотористом, и все разговоры о Карабахе, о коварстве армян с ним не заводили. Не без того, что в обеденный перерыв какой-нибудь слесарь бросит обидное слово, но Григорий понимал, что не время сейчас затевать споры, отмалчивался или скрывал свою боль за какой-нибудь шуткой. Да и товарищи-азербайджанцы Салман Гаджиев и Гурам Алиев, работавшие с ним не первый год, взяли его под защиту.

– В обиду не дадим, – сказали они. – И домой будем провожать. Не долго же эти придурки издеваться над людьми будут.

Потом Салман предложил:

– Слушай, может, ты к моим переедешь, переждешь с месяца-два? Этот бардак дольше не протянется.

– Нет... У меня же семья, старики, сестра, брат...

Жена Григория, Гюльнера, была по отцу азербайджанка, по матери армянка. Родители её жили неважно, и она часто была свидетельницей их горячих споров. Отец, школьный учитель, вдруг стал примерным мусульманином, читал Коран и рассуждал о преимуществах своей веры. Он находил в ней ответы на многие вопросы и последнее время как-то холоднее стал относиться к жене-христианке, женщине, с которой прожил более тридцати лет. Дома часто заводил разговоры о политике, доводившие её до слёз, и она молча уходила в другую комнату.

Гюльнера, как и её отец, работала в школе. С Гришей они жили дружно, воспитывали двух мальчуганов. Старший, Руслан, гордился тем, что его мама преподает в их классе. Младший, Вартан, ходил, как и его двоюродная сестричка, в детский сад.

С Арсеном Григорьевичем и Зариной Вартановной жила лишь их дочь, двадцатисемилетняя Мария. Она окончила Азербайджанский институт нефти и химии, и вот уже пять лет работала в том же институте на кафедре органической химии. Потом поступила в аспирантуру к профессору Кулиеву. Тот был доволен ученицей, выражал одобрение её прилежанию. На кафедре царила хорошая обстановка, все сотрудники бережно относились к Марии, стараясь при ней не затевать разговоров о политике.

Однажды профессор пригласил Марию к себе в кабинет. За последние дни он как-то осунулся, казался усталым и больным. Попросив девушку сесть, заговорил, словно размышлял вслух:

– Мне уже много лет, и свою половину жизни я прошёл давно. В жизни довелось видеть всякое. Но то, что творится сегодня, ничем, кроме коллективного психоза, объяснить не могу. Мне стыдно за наш народ и... я прошу простить нас, если можешь.

Мария сидела молча, потупив взгляд. Потом тихо ответила:

– Уважаемый учитель! Я далека от мысли, что в том, что творится здесь, что случилось в Сумгаите или Карабахе, повинен азербайджанский или армянский народы. И всё же я благодарна вам за эти слова...

– Ты, дочка, должна помнить, что хороших людей много больше, чем мерзавцев, которые затеяли всё это. Знай, что на кафедре, к тебе всегда будут относиться так, как и раньше... – Потом помолчал, снял очки и тщательно протер их платком. Хотел ещё что-то добавить, но, видимо, передумав, закончил тихо: – Нужно всегда оставаться человеком. В этом самая большая мудрость... А теперь иди, ахчик-джан, работай...

Последний год Мария пользовалась особым вниманием сотрудника кафедры Арифа Садыкова. Юноша был влюблён в девушку, красиво и трогательно ухаживал за ней, не стесняясь своих чувств. Он был на два года младше Марии, недавно окончил институт и остался на кафедре в должности старшего лаборанта. Но это не мешало ему выступать на кафедральных конференциях, и даже опубликовать в институтском сборнике трудов одну работу в соавторстве с шефом.

Красивый, стройный, с прямыми смоляными волосами, матовым цветом кожи и правильными чертами лица, он всегда был готов помочь, организовать, придумать, – энергия бурлила в нём. Его большие чёрные глаза искрились смешинкой, дружелюбная улыбка не сходила с лица. Казалось, юноша ни к чему серьёзно не относился. У него всегда было много друзей. Но только Мария у него вызывала какую-то робость и чувство нежности, которое в детстве он испытывал к матери.

Как-то в начале сентября они шли с работы по вечернему Баку.

– Мария, что привлекает тебя в этих скучных танцах бензольных колец? – спросил юноша. – Что заставляет так упорно карабкаться вверх? Зачем отказываешься ты от радостей, которыми полна жизнь?

Девушка рассмеялась:

– Ты говоришь, зачем стремлюсь наверх? Хотя бы для того, чтобы посмотреть на мир... Сверху виднее!

– Но, кажется, Марк Твен говорил, что, взобравшись на вершину успеха, ты можешь не встретить там ни одного друга.

– Надеюсь на тебя! Уверена, что ты будешь где-то рядом. А если серьёзно, то чем выше поднимаешься, тем глубже увязаеть...

Некоторое время шли молча. Потом Ариф предложил посидеть в кафе на бульваре. Было ещё не поздно, и Мария согласилась.

Выпив по чашечке кофе и съев по бисквитному пирожному, они вышли на улицу и медленно пошли в сторону, где жила Мария. Ариф пытался шутить над собой:

– А у меня всё иначе. Мне кажется, что я чем-то напоминаю обезьяну: чем выше забираюсь, тем заметнее голая задница!

– Ну что ты?! Не так уж ты беззащитен.

– Беззащитен? Почему ты так решила?

– Твоя ирония. Ведь ирония – оружие беззащитных...

– Я готов защищать не только себя, но и своих друзей. Тебя, например! Ты только разреши...

– Ариф... Мы же договорились. Не нужно об этом...

– Молчу. Я могу подождать... Но хочу, чтобы ты знала, что я не могу... не хочу отказываться от своей мечты... И кроме этого, ведь мы идеально подходим друг другу!

– Но ты же мне обещал...

– Обещал... Но знаешь, как у нас говорят старики: даже если ты на верном пути, далеко не уйдешь, если просто сидишь па дороге. Время от времени я все-таки буду напоминать о себе...

А через месяц, возвращаясь вечером из института, Мария заметила, что за ней идут два рослых пария и громко на азербайджанском языке обсуждают её. Она ускорила шаг. Юноши не отставали. Потом один из них обратился к ней по-русски с сильным акцентом:

– Дэвушка, дэвушка, а? Куда так торопишься, а? Подожди немножко, а?

Мария поняла, что от неё не отстанут, и вдруг увидела свет в окне на третьем этаже. Она остановилась и закричала, словно звала на помощь:

– Ариф! Ариф!

Преследователи нерешительно посмотрели на открытое окно, на Марию, и остановились.

Девушка, чуть живая от страха, открыла дверь парадной, зашла и притаилась, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Когда всё стихло, она вышла и, оглядываясь по сторонам, почти побежала домой, на ходу решив, что ни словом не обмолвится родным о произошедшем.

Но в институте она рассказала Арифу о своём приключении, и с тех пор он стал провозжать её домой.

Они с Марией были настоящими друзьями, делились надеждами, опасениями, планами, помогали друг другу. Ариф искренне любил девушку и очень волновался за неё.

Прошло несколько месяцев. В онкологическом диспансере мало что изменилось. И вот однажды Арсену Григорьевичу предложили передать больных врачу Курбанову. Он прямо спросил главного врача:

– Меня увольняют?

– Ну что вы, Арсен Григорьевич! Нам нужно усилить поликлиническое звено. Оперировать могут многие. А вот решить, нужна ли операция и в каком объеме – для этого нужен опыт... Помните, что ещё Пирогов на сортировку ставил самых опытных хирургов...

Арсен Григорьевич хорошо понимал, что это отговорки, но сдержал негодование. Он только удивлялся, как разительно изменились люди. Ещё недавно заискивали, ждали одобрения. После того, как он защитил в Москве докторскую на материале диспансера, и об этом писали все республиканские газеты, ему звонили, договаривались о консультации высокопоставленные бонзы. И вот всё так круто изменилось.

Его приятель, старый Акоп Нарсесян, врач Божьей милостью, советовал как можно быстрее уезжать из Баку.

– Тучи сгущаются. Собирай колхоз, пока ещё есть возможность, и уезжай.

– А вы чего же?

– Куда мне? Я один как перст. Здесь могила Шушаник. Детей у нас не было, да и восьмой десяток я давно разменял. Чего уж мне трепыхаться? Кому я мешаю жить? Соседи ко мне хорошо

относятся, надеюсь, что в обиду не дадут. А у тебя другое дело. У тебя дети...

Среди тех, чьи дела вплетались в это безумие и вот уже год подогревали ситуацию, был и секретарь Октябрьского райкома Музафар Имранович Намазов, невысокий полный человек с большими залысинами и пышными седеющими усами. Последнее время он чувствовал себя преотвратно. Сверху поступали директивы, взаимоисключающие друг друга. Основные предприятия безнадежно провалили план. Митинги, забастовки... Но самое неприятное, конечно, – болезнь жены. Этот болван Багиров, главный врач онкологического диспансера, уж очень ретиво выполняет его распоряжения. Перевел ведущего хирурга в поликлинику. Чёрт с ним, что он армянин. Он при этом ещё и доктор наук, высококлассный хирург... А Лале предстоит операция... Рак желудка... И откуда это берётся?..

Намазов вызвал секретаря:

– Почему до сих пор у меня на столе нет сводки? – строго спросил он мужчину средних лет в тёмном костюме. – Принеси... И ещё: соедини меня с Багировым. Всё. Иди.

Через минуту раздался зуммер телефона, и секретарь райкома взял трубку.

– Багиров? Ну что, решил ты эту проблему? – спросил он властно.

– Здравствуйте, Музафар Имранович, – ответил тот. – Сегодня состоится консилиум. Там, я думаю, мы и решим...

– Меня не интересует, что ты думаешь. Мне нужно, чтобы операцию делал этот Миронян. Ты меня понял?

– Всё будет сделано, Музафар Имранович. Я через час вам перезвоню.

– Жду.

И положил трубку.

«Да, эти армяне совсем обнаглели. Его ещё уговаривать нужно...» Потом, немного успокоившись, подумал, что сложная штука – жизнь. «Но как можно доверить жизнь жены Сафарову. Он хоть и азербайджанец, но – молод... Нет, пусть оперирует Миронян, а ассистирует Сафаров. Мало ли что...»

Через час Багиров перезвонил секретарю райкома и сообщил, что больной нужна операция, и чем раньше, тем лучше. Оперировать завтра будет Миронян. Ассистирует, как и просил секретарь райкома, Сафаров. Багиров заверил Намазова, что всё, что можно, сделают.

На следующий день Арсен Григорьевич поднялся в хирургическое отделение и зашёл в палату к больной. Анестезиолог, невысокая худенькая женщина в очках, проработавшая с Мироняном много лет, доложила о состоянии больной.

– Обезвоживание. Мы капали всю ночь гемодез, сердечные, витамины... – говорила она тусклым голосом.

Осмотрев больную, Миронян вышел из палаты и столкнулся с Салманом. Тот сухо поздоровался и спросил:

– Можно ли брать больную в операционную?

– Да, пожалуй. Предстоит высокая резекция... или даже гастрэктомия. Что с кровью?

– Два флакона есть. Должны ещё подвезти.

– Хорошо. Можно начинать.

Пока анестезиолог вводила больную в наркоз, а медицинская сестра налаживала капельницу, хирурги вымыли руки, надели стерильные халаты, накрыли больную простынями.

– Начали, – как заклинание произнёс Арсен Григорьевич и сделал кожный разрез.

В кабинете у главного врача расположились секретарь райкома и многочисленные родственники. Они сидели на диване, креслах и тихо разговаривали между собой. Когда вошёл Багиров, все примолкли в ожидании, что он скажет.

– Больную взяли на стол... – сказал он значительно. Потом, обращаясь к Музафару Имрановичу, спросил: – Может быть, чаю?

– Да нет. Лучше ты иди в операционную. Я хотел бы, чтобы ты сам всё видел. Понимаю, что положение сложное, и всё-таки с тебя спрос.

Багиров, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

Старшая операционная сестра, много лет проработавшая с Мироняном, сегодня, как и всегда, удивлялась его собранности и

чёткости. Ни одного лишнего слова, жеста, движения. Всё подчинено одной цели: спасти больную.

Когда открыли брюшную полость и сделали ревизию органов брюшной полости, убедились, что метастазов нет. Но опухоль распространялась на нижнюю часть пищевода. Предстояла большая операция. Видно было, как напрягся Миронян, нахмурился Сафаров. Только теперь он понял, что если бы ему довелось оперировать, всё давно бы закончилось. Он бы посчитал случай неоперабельным. Но Миронян... Нет, ему ещё много нужно учиться, чтобы стать таким же хирургом...

Багиров, натянув маску на лицо, то и дело спрашивал у врачей:

– Ну, что?

– Проводим ревизию... – комментировал Салман.

– А теперь?

– Опухоль распространяется на пищевод...

– И что же теперь делать?

Главный врач почти в панике.

– Будем оперировать, – отвечает Миронян. – Делаем разрез диафрагмы. Это Арсен Григорьевич говорил анестезиологу. Она должна знать, где и как вести наркоз.

Через три часа Салман наложил на кожу последний шов. Майка и халат на нём промокли от пота. Багиров давно ушёл докладывать родственникам об операции.

Когда больную увезли в послеоперационную палату, Арсен Григорьевич согласовал с Салманом назначения, потом спросил:

– Не кажется ли вам, что и наш Баку поражен той же раковой опухолью? Очень надеюсь, что спасти больного ещё можно.

– Да, пожалуй... Только я не вижу хирурга, который мог бы удалить эту опухоль... И психиатра тоже нет, – ответил Салман, глядя на учителя с уважением и грустью.

– Да, да... – неопределенно пробормотал Миронян и, не глядя ни на кого, медленно вышел из отделения.

В квартире Миронянов собрались дети на большой совет. Вопрос стоял только один: что делать?

– За окном конец двадцатого века! Где же реакция общественности? Дикость какая-то!

Лиля горячилась и ходила по комнате.

– Да сядь, пожалуйста, не мелькай перед глазами, и так голова кружится. И говори тише, детей разбудишь.

Ашот сжал голову руками и закрыл глаза. Потом продолжал, обращаясь к отцу:

– Так что ты предлагаешь? Всё бросить и ехать, куда глаза глядят? А где мы будем жить? Что делать? Да и куда ехать?

– Я ничего не предлагаю. Хочу с вами посоветоваться. Впервые в жизни не могу сам принять решение.

Арсен Григорьевич сидел за обеденным столом и смотрел на детей.

– Не думаю, однако, что в такой обстановке удастся даже за бесценок продать наше жилье... – вступила в разговор Зарина Вартановна.

– И куда ехать? К кому? Нас – десять человек...

Ашот не мог себе даже представить, что будет там, на чужбине. За всю свою жизнь он редко покидал Баку, и никак не понимал, что ему, инженеру-нефтянику, делать в Армении или в России.

– Несколько лет назад меня приглашал погостить в Ростове главный врач городского онкологического диспансера...

– Ну, что ты говоришь! Одно дело погостить... – начал было Ашот, но сразу умолк под грозным взглядом отца. Арсен Григорьевич умел быть строгим и требовательным.

– Я попробую связаться с ним по телефону... Дочка, – обратился он к Марии, – принеси мой блокнот! Он на письменном столе.

Мария вышла в кабинет и через минуту вернулась с блокнотом в руках.

– Вот и номер его... Марченко Сергей Кириллович...

– Папа, но это рабочий телефон, – заметила Мария.

– Может, на работе я смогу узнать его домашний номер...

В дверь громко постучали. Арсен Григорьевич положил трубку. Все со страхом посмотрели на родителей:

– Вы кого-то ждёте? – спросила Лиля.

– Нет. Гриша, открой дверь! – сказала Зарина Вартановна. – Впрочем, постой, сынок, я сама...

В комнату, запыхавшись, вошёл дядя Багдасар. Он жил на улице по соседству со старым врачом Акопом Нарсесяном.

– Барев! – поприветствовал он по-армянски всех, и,

обратившись к Арсену Григорьевичу, проговорил: – Ахперджан, прости, но я с плохой новостью... Акоп меня прислал. Час назад сидел он себе спокойно на лавочке у дома. Мимо проходили какие-то хулиганы и... избили старика. Да так, что соседи едва внесли его в дом. Сейчас ему лучше, но он меня попросил вам сказать, чтобы вы не медлили, если ещё не поздно... Я слышал, в разных районах города погромы... На что у меня жена азербайджанка, и та боится. Попросила всех родичей, чтобы защитили, если что. Не за меня, старого, волнуется, – за сына. У нашего Алика, сам знаешь, горячий характер, даром, что тренер по боксу... Звонил матери из Подмосковья, где он на сборах со своими ребятами, предупредил: «Если хоть волос с головы отца упадет, не посмотрю, что наполовину азербайджанец, всех перережу...».

– Успокойся... Садись к столу, Багдасар, выпей чаю с абрикосовым вареньем... – приглашала гостя Зарина Вартановна.

– Нет, нет... Я с трудом вырвался из дома. Сейчас моя Саадат всполошится... Я пошёл.

Все молчали, а Арсен Григорьевич сказал:

– Я пойду к Акопу, погляжу, не нужна ли помощь. Буду через полчаса и обязательно позвоню в Ростов. Действительно, медлить нельзя.

3. *...Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75% населения области составляют армяне, остальные 25% азербайджанцы, русские и курды... Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении... Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха...*

...В Азербайджане в последние дни февраля произошли события... – трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года... Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 г. в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии...

А. Д. Сахаров. «Иного не дано». М., 1988.

Секретарь Октябрьского райкома партии Музафар Имранович Намазов заехал к своему приятелю, дружбу с которым не афишировал, и потому предпочитал встречаться с ним или на нейтральной

территории, или у него дома. Стоял тихий октябрьский вечер. Хозяин дома внешне был абсолютной противоположностью гостю. Тот был коротконогий, круглый. Этот же – высокий, энергичный, говорил громко, часто без стеснения используя в речи не литературные выражения.

После весьма сытного обеда приятели переместились на широкий увитый виноградной лозой балкон. Уселись в лёгкие кресла. Сюда им подали кофе, коньяк, ликёры, сладости и фрукты. Рослый парень в спортивном костюме, тот, кто встретил и проводил гостя к хозяину, безучастно стоял у двери. Потом, повинувшись незаметному приказу, ушёл в глубь комнаты.

Хозяин дома был одним из влиятельнейших и богатейших людей Баку. Его империя – это целая сеть подпольных цехов по производству алкоголя, продуктов питания, обуви, швейных изделий, наконец, несколько кустарных нефтеперерабатывающих предприятий. На процветание этой империи работали тысячи людей, среди которых и сегодняшний гость, секретарь райкома, и начальник райотдела милиции, и многие в самом ЦК и даже в Москве. Собственно, и место секретаря райкома было куплено для целей и нужд этой империи.

Конечно, не всегда всё шло идеально гладко. Бывали неожиданные перемещения «наверху», удачные шаги конкурентов, но это не носило характера разрушительного тайфуна, а скорее походило на порывы ветра. Где-то кого-то сажали в тюрьму, но тщательно выстроенную систему такие мелочи поколебать не могли, разрывы густой паутины быстро ликвидировали...

Нельзя сказать, что советская система их вполне устраивала хозяина дома, но, во-первых, советской она во многих отношениях была лишь по названию, особенно здесь, в Азербайджане, во-вторых, они хорошо приспособились к ней и вполне примирились с необходимостью скрывать своё богатство. Покупали ценности, недвижимость на подставных лиц, однако проблема – куда потратить деньги – оставалась...

– Нужно трезво смотреть на политические реалии и помнить о пределах наших возможностей, – продолжая разговор, нравоучительно, словно успокаивая ребёнка-несмышленища, говорил хозяин гостю.

– Совершенно верно, уважаемый Фарид-ага, – робко отвечал ему тот, – в последнее время в связи с начавшейся перестройкой я чувствую, что корабль закачался, палуба уходит из-под ног, началась пора кардинальных перемен...

– И они очень опасны. – Хозяин дома выругался, потом молча разлил коньяк, посмотрел на искрящуюся в электрическом свете рюмку и залпом выпил содержимое. – Ты посмотри, что делается в Узбекистане. Газеты читаешь, надеюсь. «Хлопковое» дело, да и не только оно, могут быть убедительным примером такой опасности...

– Да, я за событиями слежу... Перестройка, черт бы её побрал...

– Надо быстрее... перестраиваться... – недовольно прервал хозяин.

– Это я понимаю, Фарид-ага, но наши писаки...

Хозяин распечатал пачку «Marlboro» и прикурил от услужливо протянутой гостем зажигалки.

– Необходимо взять их под контроль. Разве не чувствуешь, как шатается власть. Реальная власть от них уходит. Они уже не могут влиять на события...

– Да, уважаемый Фарид-ага, и это очень прискорбно...

– Я так не думаю, – резко возразил хозяин. – Пришло время вмешаться и действовать. Мы уже говорили об этом.

– Это я понимаю, Фарид-ага...

– Недостаточно понимаешь. – Хозяин дома недовольно поморщился. – Нужна смута, паника...

На балкон неслышно вошел охранник и подал телефон хозяину. Тот вопросительно посмотрел на него, потом взял трубку.

– Да? – недовольно спросил он. Потом, несколько смягчив тон, ответил: – Какие вопросы, брат? Приезжай, Миша-ахпер. Когда будешь? Хорошо, я жду...

На минуту задумался, потом решительно потушил сигарету и посмотрел на секретаря злым и острым взглядом, от которого тот поёжился. Хозяин, заметив смущение Намазова, проговорил вкрадливо:

– Надо, чтобы Москве было чем заниматься, не думая о том, что и у нас они могут раскрутить второе «хлопковое» дело...

– Это гениальный план... Вы, как всегда, правы. Фарид-ага.

– Хорошо бы подбросить религиозные поленья в костёр. Пусть на улицы выходит всякий сброд.

– Это совершенно справедливо. Армяне у нас уже повсюду. Их засилье ощущается везде! Вот в онкологическом диспансере...

– Сегодня, – бесцеремонно перебил его хозяин, – основное: отвлечь, ослабить влияние Москвы на наши внутренние дела...

– Но, уважаемый Фарид-ага, меня тревожит интеллигенция, черт бы её побрал! Завтра, например, в главном корпусе Академии митинг. Будут зачитывать обращение к народам Армении и Азербайджана... Хотят провести сбор подписей...

– Какой к черту митинг?! Этого нельзя допустить!

– Но что мне делать?! Я по положению там присутствовать должен... Я, ведь, как-никак, коммунист, интернационалист...

Намазов даже закашлялся от волнения.

– Это твои заботы, интернационалист. Но этот митинг не должен состояться. До своего приезда туда пошли наших людей... Или я должен тебя учить? Чего тогда ты занимаешь место секретаря райкома?

– Хорошо, уважаемый Фарид-ага, – проговорил тот. – Но меня не похвалят за это...

– Об этом не беспокойся. Наверху поддержат народное возмущение... Даром, что ли, я кормлю бездельников из ЦК и Министерства внутренних дел...

– Я боюсь, чтобы дело до крови не дошло...

– Небольшое кровопускание иногда полезно...

– И что потом? Сваливать на «хулиганствующие элементы»?

– Мне что, нужно тебя учить?! Народный гнев! То, что должно свершиться, произойдёт помимо нас...

– Хорошо, уважаемый Фарид-ага. Я всё понял. Недавно я получил списки армян в нашего района...

– Вот это хорошо... Я вижу, что не ошибся в своём выборе. Иди, и пусть тебе сопутствует успех. Ко мне сейчас должен приехать Карапетян. Знаешь такого? Видимо, чувствует, что запахло жареным. Хочет о чём-то поговорить. Не хочу, чтобы он тебя видел...

Хозяин проводил гостя до двери, потом налил себе коньяк и, закусывая ломтиком лимона, стал цедить его медленно, словно пробуя на вкус. «Да... изменилась ситуация, если Миша Карапетян захотел

со мной поговорить. Если уголовные авторитеты заволновались... – с удовольствием подумал он. – Миша – это величина... и стоит, пожалуй, дорого. Посмотрим, с чем пожаловал...»

Вскоре все тот же рослый парень в спортивном костюме показался в дверях и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Пусть зайдёт.

Вошёл средних лет мужчина с седеющей головой и аккуратно подстриженными усиками. На шее его висела толстая золотая цепь, на пальцах сверкали два огромных перстня.

– Привет, Миша-джан, рад тебя видеть! Давно не виделись. Кофе, коньяк? – с гостеприимной улыбкой встал навстречу посетителю Фарид, приглашая сесть в кресло.

– Здравствуй, Фарид. Дел много. Когда в гости ходить? – спокойным тоном ответил гость, усаживаясь в кресло.

Хозяин посмотрел на улицу. Возле дома остановились две белые «Волги». «С эскортом ездит, знает, что времена изменились», – подумал Фарид.

– Так кофе или чай? – повторил он вопрос.

– Нет... Пожалуй, рюмку коньяка выпью...

Фарид разлил коричневый напиток и стал ждать, что гость скажет. Тот же неторопливо выпил коньяк, отломил от плитки кусочек шоколада и бросил в рот.

– Фарид, – сказал он тихим голосом, – что ты затеял? Зачем такой костёр разжигаешь? – Потом, помолчав, добавил: – Не боишься, что и сам можешь получить ожоги...

– Э-э-э, ахпер, о чём ты говоришь? Ты мне брат. Так зачем же угрожаешь? Мы столько лет с тобой жили дружно, и никогда у нас не было причин быть недовольными друг другом. У каждого свои дела, но одно мы знали твердо, что в жизни есть место для нас обоих. Так почему же ты так взволнован? Не газетная же трескотня тебя напугала...

– Слушай меня, Фарид! Ты хорошо знаешь, о чём я говорю. Мы давно знаем друг друга, и нам нечего ходить вокруг да около. Я не против твоих маневров по отвлечению внимания. Это твоё дело. Не против твоих методов борьбы с конкурентами. Это тоже твои дела. Но зачем ты хочешь выпустить джинна из бутылки, стравить народы, затеять резню?

– О чём ты говоришь? Разве я кричал о присоединении Карабаха к Армении? Или мои люди убили двух азербайджанцев в Степанакерте? Так скажу тебе: я не принимал в этом участия. Или я похож на ненормального, или у меня нет чести?! Моё дело другое: я хочу делать деньги, при этом мне чужого не нужно...

– Ну, прямо, ангел... Фарид, тебе мало Сумгаита? Армяне напуганы, азербайджанцы взбудоражены...

– Опять не прав ты, Миша-джан. Разве не азербайджанцы толпами покидают свои жилища в Армении, Степанакерте, других местах? Разве это может остаться незамеченным, не вызывать ответную реакцию? Зачем ты валишь с большой головы на здоровую? Говорю тебе, я в эти игры не играю. Не там ищешь, Миша-джан.

– Ну что ж, может быть. Тогда у меня к тебе дело. Ты знаешь меня с детства. Я на ветер слов не бросаю. Употребил своё влияние, чтобы не было резни. Скажи своим людям... Ты много можешь. Помогите этому делу.

– О чем ты говоришь, брат? Всё, что смогу, сделаю. Шакалы, готовы наброситься на людей, с которыми мы прожили столько лет вместе. Всё, что от меня зависит... Но должен и тебя предупредить, что я в этом бедламе не всё могу. Это самонаводящаяся система. Ей только стоит прийти в движение, и она сметает всё на своём пути. Поэтому по нашей старой дружбе советую тебе хоть на время вместе со своими людьми уехать из Азербайджана.

– Спасибо за совет. Но прежде чем уехать, я верну долги. Ты знаешь, у нас принято долги возвращать...

Под его пронизательным взглядом Фариду стало неудобно. Стараясь скрыть закравшийся страх, заметил:

– Ты должен знать, что не моя это затея кричать на всех перекрестках: «Смерть армянам!» Моё дело совсем другое, и ты напрасно считаешь меня в этом виновным...

– Ладно. Поговорили... Надеюсь, что ты меня понял. Прощай.

Он встал, и пошел к выходу. Фарид не стал его провожать. Он так и остался сидеть в кресле, размышляя над тем, что услышал от только что вышедшего бандита. «Не учитывать опасности нельзя, подумал он. – И милиция не защитит... Черт побери, и чего стоит богатство, если я должен прятаться от угроз простого урки?» И он позвал охранника:

– Скажи Фирузе-ханум, пусть убирает со стола, и соедини меня с начальником райотдела милиции.

Через минуту он уже разговаривал с начальником отделения внутренних дел Октябрьского района. После короткого приветствия, Фарид сказал, что с сегодняшнего дня он хотел бы, чтобы у его дома был круглосуточный милицейский пост.

– Будет сделано, Фарид-мюаллим. Но что так встревожило вас?

– Ничего не встревожило... Времена сейчас такие. Так, когда придёт милиционер?

– Через час и прибудет. Надо же проинструктировать его, дорогой Фарид-ага...

– И не забудь, чтобы у него была не пустой кобура...

– Само собой, дорогой. Я своё дело знаю. Муха не пролетит без вашего на то согласия, дорогой Фарид-ага, головой ручаюсь...

4. *...Нет, и не может быть оправдания убийству, какими бы мотивами – логическими, этическими, национальными или религиозными – оно не было вызвано...*

... И ты, Наби, и я, и все другие можем совершить свои полеты жизни, если... мы будем владеть искусством жить в дружбе и мире. Другого пути нет!

Расул

Гамзатов. «Открытое письмо моему другу Наби Хазри».

Ариф Садыков всю пятницу бесцельно бродил по аудиториям. Занятия не проводились. Кто-то продолжал ставить эксперименты. И вот настал день, когда не пришла и Мария. Может быть, с ней что-то случилось?

Юноша хотел позвонить к ней домой, но в последний момент решил подождать до завтра. Возможно, тогда всё прояснится. В конце концов, он пойдёт к ней и все выяснит.

Отчего так жизнь устроена? Зачем люди сами усложняют свое существование? Почему, например, его приятель не замечает любви Лейлы, а сам упорно тянется к Тамиле. Та, в свою очередь, не замечает страданий того, кто с нею работает, а ищет счастья в соседней лаборатории у Мансура, которому эта Тамила нужна, как прошлогодний снег!

Когда же прошла суббота, и от Марии не было никаких вестей, Ариф стал серьёзно волноваться. В воскресенье он снова пошёл в

институт, надеясь, что Мария всё-таки зайдет в лабораторию. У неё в термостате стояли реактивы, шёл непрерывный опыт, и она должна контролировать процесс. Но её не было. Тогда он с трудом дождался одиннадцати часов и позвонил. Трубку сняла Зарина Варгановна:

– Здравствуйте! Простите за беспокойство. Пригласите, пожалуйста, Марию?

– А кто её спрашивает?

– Сотрудник. Садыков моя фамилия.

– Одну секунду.

Мария взяла трубку.

– Мария, привет! Ариф. Что случилось? Здорова ли ты?

– Ариф, – обрадовалась Мария, – здравствуй! Ты где?

– Где же мне быть? В лаборатории.

– Можешь ко мне сейчас приехать?

– Что-то случилось? Еду.

Мария надела пальто, набросила на голову шерстяной платок и вышла во двор.

– Мне не хотелось, чтобы домашние слышали наш разговор, – сказала она, когда он вышел из своей «Волги».

– Что случилось?

– Я хочу попросить у тебя помощи, но не знаю, имею ли на это право?

– Да говори ты, наконец, что случилось!

– Ариф! Наша семья решила уехать. Не знаю, надолго ли, но события развиваются так стремительно, что теперь это непросто. Везде ходят озлобленные люди, избивают стариков, женщин и детей... Я боюсь. У меня вся надежда на твою помощь.

– Куда вы собрались?

– В Россию. Пока в Ростов. Там у папы живёт друг.

– Но зачем уезжать? Это же всё скоро пройдет. Сколько лет мы жили рядом друг с другом. Что нам делить?

– Да разве нам с тобой есть что делить? Не об этом речь. Вопрос решён. Ты можешь нам помочь?

– Сколько вас?

– Много. Семеро взрослых и трое детей.

– Нужны две машины. – Ариф задумался. – Я, пожалуй, нашёл выход. Попрошу Багира. Это мой школьный товарищ, врач, настоящий друг. Мы на двух машинах вывезем вас на ближайшую от Баку станцию. Билеты купим в здесь. Скажете, что опоздали на поезд и догоняли его. В Баку

сесть проблематично, но не думаю, что на небольшой станции это будет очень сложно. Как мой план?

– Вот и хорошо! Спасибо, Ариф!

Мария легонько притянула его, и поцеловала в щеку. Юноша покраснел:

– И зачем тебе уезжать? Я бы мог обеспечить вашу полную безопасность.

– Это дело решённое. Ты знаешь, у папы был друг, старый врач, ему семьдесят три года. Вчера его избили так, что неизвестно, выживет ли. Отец с трудом определил его в больницу.

Когда Ариф подходил к дому Багира, он вдруг подумал, что обещание, данное им, было несколько легкомысленным. Да, Багир хороший товарищ, порядочный человек. Но то, что нужно сделать, сопряжено с риском, и возможно, смертельным.

Багир жил в старой части города на втором этаже двухэтажного дома. Окна его комнаты выходили на крышу, превращенную в большой балкон, уставленный кадками с растениями. В комнате был беспорядок. Сам он сидел в кресле и курил. Рядом на полу стояла бутылка вина. Стакан Багир держал в руке.

Друзья обнялись, и Ариф уселся напротив.

– Выпей! – и Багир протянул другу полстакана красного вина.

– По какому поводу пьём?

– Просто на душе противно... – Багир потушил сигарету, и тут же достал следующую. – Как ты воспринимаешь происходящее?

– По-моему, это какой-то массовой психоз. Всё организовано людьми, имеющими большую власть...

– Ты, как всегда, прав. Не знаю, как там, в Москве, но у нас всё продажно. Мне стыдно за то, что происходит! – Багир был пьян. – А мы молчим. Они позорят нас, а мы молчим... Неужели мы и впрямь такое дерьмо?!

– Не стоит так о народе. Бесчинствуют небольшие группы.

Багир открыл вторую бутылку и наполнил стаканы. Помолчали. Потом Ариф перешёл к цели визита, стараясь договориться с другом:

– Я пришёл к тебе за помощью. Помогите мне переправить в Россию семью моей девушки.

– С радостью! – оживился Багир. – Она армянка?

– Да! Отец ее – крупный хирург-онколог. Есть ещё братья с жёнами и детьми...

– Сколько всего человек?

– Семеро взрослых и трое детей. Нужны две машины.

– Спасибо, что даешь возможность хоть как-то отмыться!

Друзья обсудили детали операции.

Пронзительный ветер гудел, сгибая деревья, раскачивая фонари. Скрипела дверь, громко хлопая при порывах ветра. Вечерние тени качающихся деревьев кренили тротуар, будто палубу судна на волнах разбушевавшейся стихии.

К дому Миронянов подъехали две «Волги». Было около часа ночи. Из парадной, стараясь не шуметь, вышли Ашот и Григорий. Они уложили чемоданы и какие-то тюки. За ними спустились Арсен Григорьевич, женщины, дети. Всё происходило, как в немом кино: люди молча выходили на улицу, поворачивались лицом к дому, оглядывали его прощальным взглядом, потом в гробовом молчании, словно таясь и пугаясь каждого шороха, садились в машины.

Они мчались по ночному Баку, и все разговоры об опасностях казались, если не досужими вымыслами, то, во всяком случае, сильными преувеличениями. Но и Багир в первой машине, и Ариф во второй, этой видимостью благополучия не обольщались. Подозрительное скопление людей вокруг грузовика заставило Багира в последний момент круто свернуть вправо. Ариф едва успел последовать за ним, хотя машину опасно занесло. Их план нарушился. Теперь Багир ехал по каким-то закоулкам, где, с одной стороны, нежелательная встреча была менее вероятна, а с другой – на узких улочках остановить машину было значительно проще.

Группа возбужденных людей появилась неожиданно. Багир успел разглядеть молодые лица подростков и несколько человек постарше. Размахивая палками и заточками с криком «Стой!», «Останови машину!», они бросились на них с разных сторон.

«Ну, вот, – успел подумать Багир, – ну, вот...»

Он добавил газ и несясь прямо на них. «Будь что будет, – промелькнуло в голове, – только бы Ариф не запоздал». В последний момент молодчики всё же отскочили, и он увидел перед собой тележку. Удар по ней прозвучал почти одновременно с ударами камней и заточек по кузову. Кто-то вскрикнул, заплакала девочка, но они проскочили.

Дорога была скверной. Машину швыряло и подбрасывало. Мечущиеся огни фар выхватывали какие-то баки, нефтепроводы, производственные постройки. Багир сбросил газ, но останавливаться не стал. Судя по огням, Ариф следовал за ним. Минут через пять Багир притормозил. Безлюдный район казался безопасным. Багир вышел из машины.

– Ну, как? – от волнения ему трудно говорить.

– Кажется, я кого-то сбил.

– Мне его почему-то не жаль, но не накликать бы неприятностей!

Осмотрели машины. У передней правая фара разбита, крыло помято, стекла разбиты, вмятины от ударов заточками.

Подошли к машине Арифа. Здесь повреждений меньше, но заднее стекло отсутствовало. Из машин никто не выходил. Всхлипывал ребёнок.

– Меняемся местами, – сказал Ариф. – Где-то рядом должно проходить шоссе.

– И на нём милиция!

– Придётся рискнуть. Приготовь на всякий случай деньги.

Они снова тронулись в путь. Все молчали. Через несколько минут появилось шоссе, и они понеслись к станции параллельно железной дороге. Поезд с центрального вокзала только вышел, так что у них был еще изрядный запас времени.

Ровный гул моторов, однообразие дороги успокаивало, но Ариф твердил: «Рано успокаиваться. Мы ещё не доехали!» Вскоре показались огни станционных построек, здание вокзала...

Два милиционера остановили их в двухстах метрах от перрона. Ариф с Багиром вышли с документами в руках. Милиционер спросил на азербайджанском языке:

– Что случилось? Почему машины в таком состоянии?

– Какие-то сволочи спустили с горы тележку и закидали камнями.

– Где это произошло?

Багир примерно описал местность.

– Мы опоздали на поезд и пытаемся его догнать. Вот билеты.

Один милиционер продолжал осматривать машины, другой попросил показать билеты.

– Слушай, командир, – сказал Багир, – отпусти нас поскорей. Кажется, поезд подходит.

Он подал милиционеру билеты вместе с двумя сторублевками.

– Ну, ладно, – ответил тот, отдавая билеты. – Тофик, – крикнул он напарнику, – пусть едут!

Ариф с Багиром кинулись к машинам. На перрон они влетели одновременно с локомотивом.

Арсен Григорьевич, пожимая руки друзьям, произнёс:

– Спасибо. Я не забуду этого до конца своих дней. Мы тут насмотрелись всякого, но когда вспомню азербайджанцев, то, прежде всего, вас, а не обкуренных подонков с заточками. Прощайте.

У Марии текли слезы, и она только молча прижималась лицом к плечу Арифа.

Эмилия без трудностей устроилась в хирургическое отделение онкологического диспансера. Здесь всё было не так, как в Ереване: отношения людей, врачей с больными, с медицинскими сестрами – всё отличалось. Сердце уже не сжималось от страха, и её ребенку никто не кричал: «Убирайся в свой Азербайджан!» Но, странное дело, в Азербайджане, она всем сердцем понимала боль армян, возмущалась лозунгами «Эрмени – эрмиви!» (Смерть армянам!), а здесь старалась не рассказывать о том, что пережила в Ереване. Её спрашивал главный врач, малосимпатичный человек, расспрашивали сотрудники, но она отделялась общими словами. Вспоминать этот кошмар не хотелось. Только однажды, когда на планерке главный стал говорить о вероломстве армян, о том, что они изгоняют тысячи азербайджанских семей из Армении, и привёл в пример судьбу врача Исмаиловой, Эмилия тихо сказала:

– Огонь безумства, охвативший наши народы, кем-то умело раздувается. Что до дикости, то в Сумгаите погибла моя теть Фатима, азербайджанка...

– Как? Как это произошло? – раздался голоса из зала.

– Вот видите, – начал было главный врач, но Эмилия его перебила:

– Нет! Ее убили не армяне, а бандиты – выходцы из моего народа. Она была замужем за армянином. Однажды ночью к ним в дом ворвались мерзавцы, и сначала избили, а потом и убили старого больного дядю, всю жизнь проработавшего водителем. Потом на глазах у тети изнасиловали и убили их дочь и двух малолетних детей семи и трех лет. Теть кричала, что она азербайджанка, но её никто не слушал. Просто топором пробрили голову, облили бензином и подожгли...

Все сидели, онемевшие от ужаса, словно это они были виновны в убийствах и насилии. Главный врач что-то промямлил невнятное, и перешёл к другим вопросам.

После планерки Салман Сафаров подошел к Эмилии и молча пожал руку. Потом тихо произнес:

– Я сочувствую вашему горю и рад, что у нас одинаковое мнение о том, что сегодня творится.

Она вписалась в коллектив отделения, много оперировала. На дежурствах, в разговоре с коллегами, медсестрами старалась подробнее узнать, что за человек Миронян Арсен Григорьевич. Все говорили о нём по-разному, но сходились во мнении, что специалистом он был прекрасным и сделал много хорошего. «И слава Аллаху, что успел уехать... А Сафаров его ученик... Неужели – карьерист?! – подумалось Эмилии. – Боже, что сделалось с людьми!»

Вчера она сделала здесь свою первую сложную операцию. Ассистировал ей заведующий отделением. Видимо, хотел посмотреть, на что способна новенькая. Убедился, что в отделение пришёл опытный онколог-хирург.

Эмилия возвращалась домой. Она решила пройти пешком. Квартира, в которой разместились Исмаиловы, располагалась в трёх кварталах от диспансера.

Эмилия вновь с благодарностью вспомнила Марченко. Если бы не он, что бы с ними было?! Она вспомнила, как добирались в Баку, как поднялась на третий этаж и нажала звонок восемьдесят первой квартиры. Дверь открыла пожилая женщина в черном платье и в цветном платке на голове.

– Добрый день, – сказала Эмилия. – Арсен Григорьевич Миронян должен был оставить для нас ключ от квартиры.

Женщина внимательно посмотрела на неё, потом, не вымолвив ни слова, сняла висящие на гвоздике ключи, и протянула Эмилии. Та взяла ключи и извиняющимся тоном пыталась что-то объяснить соседке:

– Понимаете, мы только что приехали из Еревана... – но, увидев, что её никто не слушает, пробормотала: – Спасибо...

Квартира оказалась большой и удобной. Двери трех больших светлых комнат выходили в просторный коридор, уставленный шкафами и книжными полками. Большая кухня с бежевым кухонным гарнитуром, холодильник, обеденный стол... В комнатах мебель, казалось, сохранила

тепло прежних жильцов. В книжных шкафах – книги, журналы, но всё больше по медицине.

– Дети, – сказал Ильяс Гиясович, – видит Аллах, не мы виновны, что семья этого доктора была вынуждена бежать из дома. Но я перестану себя уважать, если мы не заплатим ему за квартиру и мебель. Я хочу, чтобы вы знали...

Эмилия подошла к свекру, обняла его за плечи:

– Обязательно выплатим, папа. А сегодня попробую дозвониться в Ростов. Как устроились они на чужбине? Я очень надеюсь на Марченко...

...В январе девяностого пришло сообщение о смерти Александра Печерского. Ильяс Гиясович с Эмилией полетели в Ростов. Мороз и скорбь холодили души.

На кладбище какой-то пожилой человек попросил слово. Пересиливая волнение, сказал:

– Сегодня мы хороним героя. О нём в Соединенных Штатах Америки снят фильм, люди слагали о нём легенды. Удивительной скромности человек, замечательный друг ушёл от нас. Во время войны он отважно воевал, попав в плен, поднял восстание узников концлагеря «Собибор» и освободил более шестисот заключенных. Потом сражался в партизанском отряде в Белоруссии... Пусть земля ему будет пухом!

Эмилия слушала и удивлялась, с каким человеком была знакома и как мало о нём знала.

Ильяс Гиясович тоже взял слово. Он сказал, что сегодня хоронит друга, с которым больше года воевал в партизанском отряде, жил в одной землянке, видел не раз в бою, но многого, о чём довелось узнать сегодня, не ведал.

Похороны снимало местное телевидение.

На похоронах Исмаилов повстречался ещё с одним товарищем но партизанскому отряду – Мойшей Бахиром. Тот давно жил в Израиле. Прослышав о болезни командира, прилетел в Ростов, хотел увезти в Иерусалим, где Печерского почитали как героя. Но поздно прилетел. Успел лишь у раскрытой могилы молитву из Торы прочесть: «Благословен тот, кто... жил с добрым именем и ушёл с добрым именем».

«Воистину благословен, – подумалось Ильяссу Гиясовичу. – Как важно сохранить доброе имя. Особенно это понимаешь на склоне лет...»

После похорон они встретились с Сергеем Кирилловичем, передали деньги для Миронянов, ещё раз поблагодарили за помощь и вскоре уехали в Баку. Эмилию отпустили с работы только на три дня.

5.

*...За этот ад, за этот бред
Пошли мне сад на старость лет...*

М. Цветаева

Весна в Баку наступила неожиданно. Солнце прогревало самые укромные уголки «Нахалстроя». Так здесь называли бараки нефтяников и припортовые строения, примостившиеся вдоль береговой линии.

В двухэтажном кирпичном доме жила семья старого бухгалтера нефтеперерабатывающего завода Когана Льва Наумовича. Вот уже более тридцати лет он работал здесь, и привык к этим серым кубикам, теснившимся, словно в очереди, друг за другом. Много лет назад умерла его жена, и он остался доживать свой век с дочерью. Лев Наумович гордился тем, что смог не только её воспитать, но и дать хорошее образование. Она с отличием окончила медицинский, и вот уже три года работала в онкологического диспансера.

Последние события в Азербайджане очень напугали Льва Наумовича. В последнее время он всерьёз стал задумываться над тем, чтобы уехать в Израиль. Но Роза (так звали его прекрасную, но столь же колючую, дочь) всячески противилась этой перспективе. Вечерами, когда дочь приходила с работы, у них происходил один и тот же разговор:

– И что ты решила? – спрашивал Лев Наумович.

– Что я должна была решать? Если ты имеешь в виду Израиль, то я тебе говорю: через месяц дам ответ.

– А что будет через месяц?

– Не знаю. Хочу подождать...

Лев Наумович не настаивал. Ему тоже не хотелось торопить события. Но последнее время он потерял покой.

Иногда к ним заходил сосед Гюльмамед Мамедов, с которым он работал с первых послевоенных лет. Жили рядом, делили радости и горе вместе, и ни разу не ссорились. Мамедов был нефтяником. Но так случилось, что его жена с ребенком пятнадцать лет назад утонули, и с тех пор Гюльмамед одинок, как та вышка в море, что видна из их окна.

И сегодня старик зашёл на огонёк к приятелю.

– Чаю налить, дядюшка Гюльмамед? – спросила Роза больше для приличия. Знала, что тот очень редко садился к ним за стол. Чаще приходил, чтобы что-то спросить, уточнить или поспорить. Так было и сегодня.

– Наумыч, – обратился он к соседу, – ты образованный человек. Объясни мне, тёмному: что произошло с людьми? И кто же всё-таки прав? Рассуди... Разве не должны мы крепить дружбу между народами? Почему же, словно ножом в спину, армяне вдруг стали требовать отделения? Или мы их обижали? Что произошло?

– Гюльмамед дорогой, мне ли развязывать эти узлы? Я думаю, – мы очень мало знаем. Одно знаю наверняка, так как видел сам: озверевшие люди убивали, насиловали, сжигали живьём, круша всё на своём пути. Сколько невинных погибло! И власти, будто ничего не видят...

– Да, это было... – согласился старый нефтяник, – словно шайтан им глаза закрыл.

– У дочки в больнице выгнали профессора, армянина, прекрасного хирурга, который спас не одну жизнь. Кому от этого лучше?

– При чем здесь народ?! Это нужно большим начальникам. Власть никак не поделят! Мне стыдно смотреть в глаза Гарику Саркисяну...

Тревожные дни тянулись нескончаемо долго. События сменяли друг друга, то, вспыхивая ярким красным цветом крови, пронзительным криком матери, защищающей своего ребенка, то, ненадолго успокаиваясь и затихая. По улицам шли войска и бронетехника. Многие станции метро были закрыты. Город гудел, как растревоженный улей. На улицах и площадях собирались люди, громко спорили, обвиняли... Свидетельства очевидцев разрастались ужасающими подробностями и вводили слушателей в прострацию. У иных глаза загорались зловещим огнём, рассказы о погромах, словно наркотики, возбуждали и требовали немедленных действий. Центр реагировал на события вяло и неопределенно...

Однажды глубокой ночью метрах в пятидесяти от дома Фариды остановились две «Волги». Из них, стараясь не шуметь, вышли шестеро

рослых мужчин и открыли калитку. Им навстречу вышел сонный милиционер, но, не успев даже разглядеть лица нападающих. Его сбили с ног, связали, отобрали оружие, стукнули для верности по голове и вошли в дом. Бесшумно поднявшись по лестнице на второй этаж. Двое зашли в комнату, где по их расчетам должен был находиться хозяин. Развалившись в свободной позе, он спал. Приставив пистолет с глушителем к голове, и прикрыв его подушкой, один из нападавших выстрелил. Фарид даже не успел проснуться, только тело его чуть вздрогнуло.

Так же бесшумно они исчезли в ночи.

Выйдя из операционной, Сафаров прошёл в кабинет и включил кофеварку. Причины по которым с ним заигрывал главный врач, понятны. Тот поначалу приглашал Салмана в гости, вёл душещипательные беседы, заманивал перспективами. Но до сих пор ему удавалось уходить от настойчивых приглашений и вопросов, отшучиваться. Потом стал избегать встреч в неофициальной обстановке, ссылаясь на большую загруженность. Отношение с главным стали прохладными, и Салман продумывал свою линию обороны. Он наладил связи с республиканским онкологическим институтом, пару раз ходил в ресторан с заместителем заведующего горздравотделом, но тревога не покидала его. Воспоминания о бесформенной дочурке главного были неприятны, тем более что уже почти год он постоянно думал о другой.

Салман нажал кнопку селектора и попросил зайти Розалию Львовну.

В кабинет вошла розовощекая девушка с большими грустными глазами. Бесформенная хирургическая пижама не могла скрыть стройность её фигуры.

– Роза, вы можете уделить мне несколько минут? – спросил он совсем не как начальник. – Давайте выпьем кофе и поговорим.

– Салман, – тихо ответила девушка, – мы же на работе... Что подумают сотрудники? Почему вы так не уважаете меня, что допускаете двусмысленность моего положения...

– Но позвольте, речь идет только о работе...

– Я слушаю. – Роза посмотрела ему прямо в глаза. – Что вы хотели узнать?

Салман некоторое время молчал, глядя на девушку. Потом спросил:

– Вы осуждаете меня?

– Это честно? Вы мой начальник и хотите, чтобы я сказала, что думаю... Ну да ладно, я отвечу. Если вы лично приложили усилия к тому,

чтобы Арсен Григорьевич ушёл, то нет вам прощения. И не только потому, что это ваш учитель, но и потому, что он опытный онколог, многим людям мог бы помочь, многих научить. И вас в том числе...

– Но я никакого отношения к этому не имел! Единственная моя вина в том, что я активно не воспротивился. Но мне Багиров сказал, что если не я, то он найдет другого. Судьба Мироняна была решена без моего участия.

– Но вы не защитили своего учителя? Чем он виноват в карабахских событиях? Что случилось с его семьей?

– Я звонил туда несколько раз, но там живут другие люди. Видимо, уехал... Муки совести, наверное, действительно самые тяжкие муки... Но что я могу?!

Салман встал из-за стола и закурил. Роза с сожалением посмотрела на него.

– Совсем не обязательно быть героем. Но я всегда считала вас личностью! Все виновны в том, что здесь происходит!

– Наверно, вы правы...

Девушка поблагодарила за кофе и собралась уходить.

Когда она ушла, Салман подумал, что Роза права. Но, как приказать сердцу, если оно начинает биться чаще, когда даже только думает о ней?..

Раньше они нередко ходили в кафе, спорили по поводу новых методов лечения, вариантов операций. Он ценил независимость её суждений. Однажды он даже признался ей в своих чувствах, но Роза ответила:

– Я тебя почти не знаю...

Больше они вместе не ходили в кафе, не беседовали наедине. А когда Салман занял кабинет учителя, Роза стала относиться к нему, как к чиновнику и перешла в общении с ним на «вы». И возникшее было чувство симпатии, и смутные надежды исчезли. Девушка всерьёз стала подумывать, не согласиться ли уехать в Израиль.

Когда же Роза сказала отцу о своём согласии, он развил бурную деятельность: оформлял какие-то бумаги, выстаивал очереди, ругался с бюрократами, доказывал, заверял, объяснял... И вот в октябре всё было готово к отъезду.

В аэропорт их пришли проводить старик Мамедов и две институтские подруги. Перед тем, как пройти в зал для таможенного досмотра, Роза увидела Салмана. Он растерянно озирает пассажиров, и провожающих, потом, увидев Розу, быстро подошёл к девушке:

– Я пришёл попрощаться.

– Спасибо. Мне приятно, что не забыли...

– Вы... ты не знаешь, что для меня значила... я ведь очень люблю тебя...

– Как поздно я об этом узнаю, – грустно улыбнулась Роза. – Но надеюсь, что сейчас с поездками за рубеж станет проще, и мы ещё увидимся!

– Увидимся... – эхом повторил Салман. – Если можешь, напиши мне.

– Напишу...

Они прошли в зал таможенного досмотра.

Прошло восемь лет. Июнь тысяча девятьсот девяносто восьмого года выдался прохладным. Сергей Кириллович Марченко с женой заехали в гости к Мироныам. Галина Павловна с Зариной Вартановной гуляли в саду. Мужчины сели на веранде небольшого дачного домика и, как обычно бывало, после разговоров о текущих делах, обсуждения телевизионных новостей, стали вспоминать минувшее. Друзья пытались осмыслить пережитое как тяжелую болезнь, трагедию, которая потрясла целые народы и написала слезами и кровью не одну страницу современной истории. Страсти за прошедшие годы улеглись, но до полного выздоровления ещё далеко. Да и возможно ли оно? Но если это было безумие, то оно, несомненно, приходит и проходит... не может не пройти.

В саду ветки деревьев стали желто-красными от спеющей черешни, на кустах алела красная смородина и малина. На влажной от частых дождей почве радугой раскинулись цветы – жёлтые, красные, фиолетовые... Из сада с большими мисками ягод и фруктов пришли женщины. Друзья пили ароматный чай, приготовленный Зариной Вартановной. Необъяснимая грусть окрасила их встречу.

Арсен Григорьевич задумчиво посмотрел на друга. Да, и его время не пощадило. Волосы припорошены сединой, словно тополиным пухом. Под глазами появились отёки... А ведь и пятидесяти ещё нет! А вот Галина Павловна совсем не постарела. Артистка! Умеет держать форму.

– Мне всегда хотелось понять, почему люди ненавидят друг друга? – продолжая разговор, сказал Сергей Кириллович. – Причём, причиной ненависти иногда являлась принадлежность к другому народу, другой расе или другой вере...

– Люди как звери...

– Нет, дорогой Арсен Григорьевич, – возразил Сергей Кириллович, – это сравнение несправедливо. Звери – не такие звери!

Арсен Григорьевич помолчал, грустно посмотрел на друга и, словно размышляя вслух, произнес:

– Кто-то из великих говорил, что толпа академиков мало чем отличается от толпы сантехников... Суженное сознание...

Арсен Григорьевич вдруг вспомнил, как они стояли на платформе ростовского вокзала у сваленных в кучу вещей, и не знали, куда идти. Смеркалось. Электрический свет фонарей, суeta пассажиров на перроне, снующие носильщики и станционные служащие усиливали ощущение, что до них никому нет дела. Они чувствовали себя брошенными в океан жизни, при этом не все умели плавать, и потому старались держаться вместе, помогая друг другу. Предстоящая ночь пугала.

Откуда-то из темноты появился Марченко. Рядом почти бежал невысокий парень-водитель в кожаной куртке.

– Извините, что запоздал. Здравствуйте, уважаемый Арсен Григорьевич. Знакомьтесь, это Гриша, мой водитель...

– Здравствуйте, дорогой Сергей Кириллович! Спасибо, что встретили, а то я, было, совсем растерялся.

– Ну что вы, мы же договорились... Я пока вам снял небольшую двухкомнатную квартиру. Это на самое первое время. Потом вы подыщите более удобное жилье. Кроме этого, я говорил с директором Ростовского онкологического института. Он ждёт вас, как только вы сможете к нему подойти...

– Спасибо, дорогой друг! Нет слов, как я вам признателен. Знакомьтесь, это весь наш клан: жена, сыновья с женами, дочь, внуки.

– С приездом! – Марченко доброжелательно улыбнулся. – Очень надеюсь, что всё будет хорошо. Ближе познакомимся позже, пора ехать.

Загрузив вещи в «Рафик», Сергей Кириллович сказал водителю:

– Поезжай за моей машиной.

Потом пригласил в свою «Волгу» Арсена Григорьевича и Зарину Вартановну.

Они ехали по вечернему Ростову. Стояла бесснежная морозная зима. На улицах города много гуляющих. «Тут мирная жизнь, – подумалось Арсену Григорьевичу. – Никто ничего не боится. Когда-то так же было и в Баку...»

Через полчаса машины свернули в небольшой переулок и остановились у двухэтажного дома. У ворот стояли трое парнишек и о чем-то беседовали. Потом один из них громко сказал другому:

– Это беженцы из Баку. Мне Сурен рассказывал.

Это небольшое замечание как ножом полосонуло по сердцу Арсена Григорьевича. Видимо, сказывалось напряжение последних месяцев.

Очнувшись от воспоминаний, Арсен Григорьевич продолжал:

– Что бы вы ни говорили, Сергей Кириллович, но мы выстояли благодаря тому, что в мире есть вы, мой дорогой друг, есть такие люди, как Минас Георгиевич Багдыков, Сергей Сергеевич Сергеев и многие другие...

Зорина Вартановна поставила на стол вазу с фруктами.

– Вот давайте и выпьем за то, чтобы им, – Сергей Кириллович кивком головы показал на малышей, играющих в саду, – не пришлось пережить того, что досталось вам.

Арсен Григорьевич разлил белое вино.

– За дружбу! – сказал он и обнял друга.